

Виктор БАКИН, Владимир КРУПИН

**«НОЧЬ И РОДИНА СЛЕВА И СПРАВА,
И РАСПЕВА РОДИМОГО ЗВУК...»**

Два года назад, в период пандемии, начинали мы с русским писателем Владимиром Крупиным непростой разговор о небывалой вирусной напасти, которая коснулась практически каждой нашей семьи. Многие за это время потеряли от коронавируса своих друзей и знакомых. Есть такие потери и у нас...

И вот новое испытание для России – военные действия на Украине, защита новых территорий, частичная мобилизация...

– Да что же это такое-то, Владимир Николаевич? Будем ли когда-то жить мирно и ладно?

– Нет, не будем. Мы – русские, с нами Бог. А у Бога есть враг – дьявол. Разве он успокоится? У него злоба и на Бога, и на тех, кто за Него. А у нас главное, что есть, – это Господь.

Европа, спасённая нами, потеряла Христа, от того и ненависть к нам. Вспомним пословицу: «Не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь». Ещё и Пушкин заметил: «Европа всегда была к нам неблагоприятна».

Но успокоимся: мы здесь и сейчас, и каждый день зарабатываем себе будущую жизнь. У Бога нет смерти, окончание земной жизни для человека – это рождение в жизнь вечную. А какой она будет, зависит от каждого из нас.

– «... и каждый день зарабатываем себе будущую жизнь...»

А каждодневно ли зарабатываем? Сомнительно очень. У каждого из нас по жизни уйма бездарно потраченного времени. Недаром говорят, что лень вперед человека родилась...

– Это-то и ужасно. «Бездарно потраченное время» – это убийство главного дара Божия, убийство жизни. У нас в Вятке узнал великую частушку: «Ой ты, время, ой ты, время, как ты прокатилось. Ни одной минуточки назад не воротилось».

Ни одной. И притчу о богаче полезно вспомнить. Богач умирает. Смерть пришла. Он отдаёт ей любое богатство, чтобы ещё хотя бы год прожить. Ни год, ни полгода, ни месяц, ни неделя. Часа не дала.

Не родилась лень, а навязана врагом спасения. Надо с ней бороться. Есть же свобода поступков, сила воли, осознание необходимости.

Работа для заработка, чтоб содержать семью, может быть неинтересной, трудной, но а как жена, дети? И любовь к ним помогает.

– **Может, все проще и прозаичней? Помните, у замечательно-го русского поэта Владимира Андреевича Кострова, с которым мы простились в октябрьские дни 2022 года, в одном из полушуточных стихотворений сказано:**

**Но строчки вошли, как благая весть,
до самого естества:
«Жизнь такова, какова она есть,
и больше – никакова!»**

– Да, печально, что Костров ушёл. Отпевали в церкви в Переделкино. Я долго и хорошо был с ним знаком. Он гордился родством с Ермилом Костровым, считал себя вятским по корням. Но знаменитое его стихотворение о жизни таковой и больше никаковой – угода суете времени. Каждый – творец своей жизни. И почему надо оправдывать свои неуспехи, ошибки, сваливать на судьбу, *fatum*? Вот, мол, жизнь-то какова. И почему она больше никакова? Переделай.

– **Признаюсь, не знал, что Владимир Костров корнями вятский, хотя помню его на литературных днях в Вятке в 1990-е годы. Расскажите немного об этом поэте, что связывало вас?**

– Он ведь постарше, и он рано вошёл в обойму известных и печатаемых, я же еле-еле издал первую книгу в 33 года в издательстве «Современник». Следующую вообще в 37. А ходил всегда в издательство «Молодая гвардия», носил туда рукописи. Меня заметила редактор Галина Степановна Кострова, жена Владимира Андреевича, познакомила с ним. Вот и всё. Поэт он замечательный. Потом мы с ним, не то чтобы подружились, но общались. Бывали у них. Раз подарили ему картину: три избы в заснеженном пространстве. Он даже написал стихотворение и посвятил его мне. «Три избы, как три судьбы». Хотя картину выбирала моя жена.

В Вятке он любил бывать. Как-то директор леспромхоза и поэт Алексей Рыжов пригласил нас для выступлений, и мы: Николай Старшинов, Владимир Андреевич и я, замыкающий, были и в Кикнуре, в Шаранге, ещё где-то. Там я, соревнуясь с поэтами, написал: «Шахунья, Шарья и Шаранга – слова однотипно на «ша». И среди них всех выше, конечно, Шаранга: в Шаранге шалает душа».

Да, для улыбки скажу, вспомнил я ночь в конторе леспромхоза в Кикнуре. В ней нас разместили. Они оба отчаянно курили и много лет играли в подкидного. Счёт у них был, точно не скажу, но что-то полторы тысячи на тысячу триста. Я пытался заснуть. А до этого Николай Константинович прочёл своё стихотворение: «Среди мощных зарослей кипрея, то спину грея, то бока, два волосатые еврея весь день играли в дурака. Они в игру свою вложили ум и способности свои, но были равными их силы, и всё ничьи-ничьи-ничьи. А за холмом в степи бескрайней, весь день держа штурвал в руках, сидел Ванюша на комбайне, всё в дураках, всё в дураках».

Все равно мне в этом дыму не уснуть, понял я. Сел и написал в том же духе. «Нечёсаны, полуодеты среди сигаретного дымка два сильно русские поэта всю ночь играли в дурака. Забывши дом, семью, скрижали, не написавши ни строки, они в ту ночь всю ночь бывали поочередно дураки. О, братья, бросьте ваши драчки, вернитесь к родине своей, не то вас крепко одурачит всю ночь рифмующий еврей». Зачитал им. Они снисходительно похвалили. И стали вспоминать, кто из евреев пишет ночью...

Уходит, уходит старшее поколение. Эпоха уходит. Кто остался? Кунаев, Потанин, Личутин... Раз, два и обчёлся.

Наследие Владимира Кострова очень благодатное. Легко убедиться, глянув в интернет.

– Помню его стихотворение:

*Две берёзы над жёлтой нивой,
Три иконы на чёрной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелёно сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.*

А вам что-то костровское помнится?

– Его знаменитые строчки:

*«Мы подснежники, мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны».*

Одна земля, одна судьба.

И еще у него нечто судьбоносное в строчках:

*«Поднимешь глаза к небу – воля,
Опустишь к земле – доля!»*

Он много лет был председателем Пушкинского комитета и много свершил в этом звании. Молюсь за него.

О Гребневе.

– Как и за своего близкого друга Анатолия Гребнева молитесь, после ухода которого прошел уже год... Надо же, как быстро летит время!.. Как съездили на его родину, в село Чистополье, Владимир Николаевич? Не начинают ли забывать Толю его земляки?

– Нет, нет, не только не забывают, всё более осознают его значение для нашей жизни, для поэзии. Установлен памятник на могиле, памятная доска на его родительском доме. А сам дом – это своеобразный чистопольский клуб для общения читателей. Дом любят, в нём уютно, радостно. Годовщина отодвинула печальные чувства. Что делать:

произошло неизбежное, надо привыкать. И уже и жена-вдова Галина Ивановна оттаяла, даже как-то успокоилась. Этому помогло то, что она видит отношение земляков к памяти мужа. Ведь и библиотека центральная в Котельниче носит имя Анатолия Григорьевича. Много содействовал этому бывший глава района, затем председатель районного Заксобрания Мамаев Андрей Аркадьевич. И, конечно, «Герценка».

Счастлив поэт, стихи которого любят и знают. Очень я рад за друга.

– Вспоминаю Гребнева, как правило, с гармошкой. Улыбчивого, несуетливого, всегда расположенного к душевному разговору. Могли и коньячок с ним употребить из его карманной тоненькой фляжки – бывало и такое, и не раз. А вам каким друг памятен?

– Вы знаете, есть понятие любви меж мужчиной и женщиной, но несколько не меньше величие понятия: мужская дружба. О, это не пустое слово. Мне за 80-т, я постоянно брожу по времени и пространству своей жизни. И радуюсь, какими же прекрасными, верными были мои знакомые: детские, отроческие, школьные, юношеские, армейские, студенческие. Знакомые, приятели, соратники. Но в высоком смысле много друзей никогда не бывает. Друг – святое слово. В жизни у меня было три настоящих, незабвенных друга, это: Анатолий Гребнев, Валентин Распутин и Виктор Шумихин.

Памятен Анатолий своей потрясающей жизненной силой. Ему тяжело давалась обычная наша жизнь, но разве он хныкал, взывал за помощью? В его сердце горел пламень поэзии, согревающий его и нас, окружающих его. Очень без него скорбно. Но он же был, он же есть. А гармошка, коньячок – прикладное. Да и по отношению к цельности Гребнева это ноль целых ноль десятых.

– Три ваших друга: Анатолий Гребнев, Валентин Распутин и Виктор Шумихин... Поэт, прозаик, сотрудник библиотеки... Что их роднило, что различало?

– Я ощущал их заботу обо мне: о моём умонастроении, о жизненном устройстве, очень я ощущал их братское отношение. Причём братское как от старших братьев: все они были старше меня. Но всегда было равенство.

– Но Гребнев был старше всего на полгода. Какой уж старший брат? Ровесники. Ровня. Или все же нет?

– Знаете, Гребнев всё-таки старше. Не в литературном отношении, а в житейском. Я сельский мальчишка, а он деревенский. Разница. У нас село – районный центр, значит, Дом культуры, районная газета, средняя школа, по сравнению с деревней больше населения. Хотя в отношении работы на земле, содержания домашнего скота всё то же. Но Гребнев гораздо лучше меня владел топором, косой, молотком, рыбачил замечательно, лодкой управлял, плавал лучше. Лихо строил шалаш для ночлега, костёр мгновенно разводил, словом, практически был далеко

впереди. Было чему у него поучиться. Ещё: по знанию народного языка он меня превосходил. Частушки, шутки, присловья, разные житейские истории – это всё у него было в изобилии и всегда вовремя являлось на языке. И многое запечатлевалось им на бумаге. Его юмор, экспромты, его всегдашняя неунываемость незабвенны. Кстати, он всегда много и постоянно читал. Мы созванивались раза три-четыре на неделе, он всегда сообщал, что у него этот день для чтения. Чехова любил, поэзию знал досконально. Наизусть читал практически всех русских поэтов, много из античности, Лорку...

Ну, Распутин, это понятно. Но он-то старше во всех смыслах. А Шумихин утончённейший интеллигент. Эрудиция, деликатность, готовность помочь, знание того, что именно мне нужно прочесть, оценка мною написанного – это всё от него.

– А как произошло знакомство с Анатолием Григорьевичем? Все же жили в разных городах? Москва, Пермь – не близко. Землячество сыграло свою роль?

– Конечно, сыграло. Но вначале Литературный институт. Куда я дважды не прошёл творческий конкурс: ни до армии, ни после армии. Но я уже всюду писал, ходил по редакциям. Пусть не печатали, но знакомых в мире пишущих прибавлялось. А с 1971-го года я стал редактором издательства «Современник». И мне при распределении дали в работу рукопись молодого вологодского автора Владимира Ширикова. А его рекомендовали враз и Виктор Астафьев, и Василий Белов, это для меня два очень высоких авторитета. Володя заочно учился в Литинституте. Познакомились. Он году в 73-м защищал диплом и пригласил меня на защиту. И на защите как раз был Анатолий Гребнев, тоже заочник. А в 72-м году в «Нашем современнике» прошла моя публикация «Зёрна (материнские рассказы)», он её читал. Конечно, полный восторг – земляки. Сдружились мгновенно, ведь Москва стоит на земле вятичей. Диплом Ширикова крепко обмыли. А вскоре из Перми письмо, в нём стихи, мне посвящённые: «Не в те ль времена Святослава в моём древне-русском краю я вижу, как мальчик кудрявый бежит босиком по жнивью. Бескрайней подхваченный волей, держа в узелочке обед, бежит он по русскому полю, которому тысяча лет...» Потом и другие были, но это особенно памятно.

– А мне больше помнится «Письмо другу»:

Я душою покамест не вымер,

Одного только хочется мне:

Нам бы встретится снова, Владимир,

На отеческой нашей земле...

Мне думается, оно и Гребневу нравилось – много раз слышал его чтение автором на различных встречах...

– Да, да, замечательное стихотворение. Очень сердечное. Я его наизусть давно выучил. И вот, перебрасывая сорокалетний мостик от этих стихов до его ухода, вижу, что и последнее его сочинение тоже о нас с ним. Мы же с одного года, дети войны. За три дня до кончины он

позвонил: «Слушай. К нашему юбилею», – и прочёл три строфы. Они запомнились моментально. Самое время и место их процитировать:

День родился. И радостный, и чистый, один

из тех моих счастливых дней,

Когда летят, летят по ветру листья восьмидесятой осени моей.

Восьмидесятой осени? О, Боже, о том ли надо мне сейчас тужить!

Спасибо, Боже, что я столько прожил,

хотя ещё хотелось бы пожить.

Перекрещусь у дедовской божницы, легко сбегу с родимого крыльца

В осенний мир, где жёлтый лист кружится

и где нет ни начала, ни конца!

Каково? Классика.

– Да! Прекрасно! Выходит, дружба длиной почти во всю жизнь?

– Именно так! 48 лет дружбы, и ни одной размолвки. Ни одной. Стоваривались, враз приезжали в Вятку. Ещё же были совместные поездки по стране по линии Союза писателей: Иркутск, Молдова, Приднестровье, та же Вологда, Мурманск. Всю нашу область исколесили. Как и Пермскую: Кунгур, Чайковский, Воткинск. В Вятке главным пунктом пребывания была, естественно, Герценка. Как было коллективу её, начиная с руководителей: Новосёловой Марии Николаевны, Гурьяновой Надежды Павловны, Стрельниковой Наталии Владимировны, Будашкиной Светланы Николаевны, не любить такого человека, как поэт Анатолий Гребнев? Весёлый, остроумный, щедрый, общительный.

Десятки раз мы бывали друг у друга в родительских местах. Я обязан гребневскому Чистополью работами: «Великорецкая купель», «Во всю Ивановскую». И в Перми я бывал, и живал, и черпал темы для повестей и рассказов: «Как только, так сразу»... И Толя, в свою очередь, вдохновлялся кильмезскими темами: «Богоявление в Кильмези», «Кипун-родник»... Очень его любили и любят в моей Кильмези.

Особая радость – Великорецкий Крестный ход. И его Толя воспел: «И вечно будет жить Россия, пока идёт из года в год, идёт, идёт в места святыя Великорецкий Крестный ход». У меня в Великорецком и дома были. Мы там не только в июне бывали. В 1998 году в декабре нагрязнули с редакцией «Нашего современника» (Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Валентин Распутин, Валерий Фокин, Николай Пересторонин...), провели встречу. Потом к роднику на погружение. А декабрь. И что? И ничего. И погрузились, и освятились.

Обычно икону святителя Николая Великорецкого мы несли с Толей на участке после Мурыгино от Пагинки до моста через Вятку. Да, уже не повторить. Но было же! И прибавим совместные пребывания семьями в Домах творчества Пицунды и Коктебеля. О заплывах в воды Чёрного и Азовского морей у Толи тоже есть яркие строки. («Кричал нам вслед с опаской горец: «Нет, с вами мне не по пути: нельзя шутить со штормом в море, зачем, кацо, к нему идти?»»)

– По профессии Гребнев врач. Не один десяток лет работал с душевнобольными. Не жаловался?

– Прежде всего это кормило его и его семью. Потом, это для Гребневых традиционно. Старший брат его Леонид славен своими делами как главврач, стоматолог Советского района. Именно у него в сельском доме написан рассказ «Стог сена» о том, как мы во время дождя сметали стог сена. Кругом льёт, а над нами сухо. Толя начинал участковым врачом в Кичме, где встретил свою жену Галину, потом был стоматологом, а все последние годы был завотделением областной психиатрической больницы в Байболовке. Это по дороге к Кунгуру... Нет, он не жаловался. Его любили и сотрудники, и больные. Но эта работа, я вам скажу, это... Помогали знания и юмор. В Байболовке я и жил, и набирал материалы для повести о душевнобольных.

Ещё написал рассказ «Хохловка» о границе Европы и Азии. В его доме при больнице мы вместе сочинили балладу «Козе понятно». Как санитар обиделся на нас за то, что мы с ним отказались продолжать застольные радости жизни. «Ну, сколько можно?» Обиделся, ушёл, вернулся выпивший и сообщил: «Вы отказались со мной выпить, пришлось с козой пить. Плеснул ей в тазик, выпила, ещё просит». Это нас насмешило. Стали сочинять. Из первых стрóf: «Посредине родного Урала погибала с похмелья коза». И финальная строфа: «Мы, читатель, вернулись к началу. На глазах закипает слеза. Ты представь: посредине Урала погибает с похмелья коза...»

– **Одна гребневская строчка: «Оно, как солнышко, привычно: не замечаешь, а светло...» постоянно в моей памяти. Так он о слове «мама» написал. Вот прочел однажды и, как рубец, – навеки. А у вас такое было с поэзией Гребнева, чтобы прочли или услышали что-то – и навсегда?**

– Как не было, было. Само высказывает. «Ночь и родина слева и справа, и распева родимого звук». «Как поздно я, мой друг, на родину приехал, как дорого себе свободу я купил. Какая здесь печаль, и нет ни в чём утехи. Как пусто на лугах: октябрь уж наступил». Целиком же наизусть многое помню. «За Суну, за Кырчаны я кинусь, там, где серая Нема нема, но Кильмезь, где прошла твоя юность, окончательно сводит с ума». И шуточное: «Фалёнки, снега белизна. Бегут за поездом ребёнки. Конечно, внуки Крупина. Голодные, как собачонки. Ему до них и дела нет, он совести не слышит зова. Он поспешает на банкет в апартаментах у Сизова»... А это тончайшее осеннее: «Ещё чиста за речкой даль, и журавли не откричали. Ещё покамест не печаль, а лишь предчувствие печали»...

– **Говорят, Анатолий Григорьевич был страстным собирателем частушек. Собирался их издать? Или просто душа просила...**

– Да, это так. Собирал, сочинял. Организовал областной смотр собранных и сочинённых частушек. Печатались они в областной газете иногда целыми полосами. Возглавлял конкурсную комиссию. По итогам конкурса издал прекрасную книгу, сразу ставшую редкостью. В Вятке мы с ним были в жюри фестиваля коллективов народной самодеятельности.

По сути, в большевистские и коммунистические времена частушки были единственной почти возможностью выразить народное отношение к происходящим событиям. «Мы с товарищем работали на северных путях. Ничего не заработали, вернулись в лаптях».

– Даря и подписывая свои книжки, он нередко оставлял свой автограф в виде веселого четверостишия. Например, на стихотворном сборнике «Русь, Россия – отрада моя», вышедшем в Вятке в 2016 году, он начертал:

И с Бакиным,

И с Бакиной

Хлестал бы водку баками, –

И ночью,

И в течение дня:

Мне по душе они родня!

А как он подписывал книги вам?

– Подписывал и, конечно, в стихах. Но к стыду моему, я не хранил их, не ставил бережно на полки, не хватило ума хотя бы выписать посвящения. Может быть, со временем смогу. Брату моему Михаилу, который очень хорошо написал о нём, Гребнев начертал (по памяти): «Дарю я книгу брату друга, а значит, брату моему». В Герценке была попытка в одной из книг собрать его автографы, но это тщетно: обилие его посвящений не поддаётся учёту. Лёгкость, летучесть, с которой он подписывал книги, – это ещё одна из граней его таланта.

– Насколько легко или трудно рождались у него стихи? Вы видели, как он работал?

– Нет, не видел. Как увидеть: мгновенно говорит стихами. Никаких трудностей, никаких мучительных поисков рифмы. Нет её, ничего страшного, никуда не денется, займёмся другим. Что-то пушкинское было в нём в укрощении Музы.

– То есть ни черновиков, ни записных книжек у него не было?

– Почему, были. Но всё как-то несерьёзно. Скорее какие-то отрывки из обрывков, почеркушки, которые потом он и сам не мог разобрать. Черновики (в смысле работы над текстом) были, конечно.

– В Перми в 2011 году вышла книжка «Вон парнишка бежит босиком...» Книжка биографическая, ее автор – друг Гребнева, пермский прозаик Виталий Богомолов. В предваряющем слове к ней вы написали: «Читаю исследование писателя Виталия Богомолова о жизненном пути Анатолия Гребнева и испытываю чувство вины: ведь это я должен был свершить такой труд. И по долгу многолетней дружбы, и из необходимости сказать читателям о прекрасном русском поэте, да просто от того, что многие мои работы напрямую связаны с Гребневым...» Чувство вины осталось, Владимир Николаевич?

– Вообще, да, осталось. Но оно, благодаря такому вниманию к поэту: и памятник на могиле, и имя библиотеке, и книга – венок памяти ему... – всё это мою вину облегчает. С благодарностью хочется повторить: многие мои работы состоялись благодаря Анатолию. «Во всю Ивановскую», «Великорецкая купель», «Как только, так сразу», «Хохловка»...

Да уже одно то, что питался от общения с ним, навсегда со мною. А уже и с читателями. И великая благодарность и Котельничу, и Чистополью, и Герценке. И безвременно ушедшему Андрею Александровичу Мамаеву.

– Помните, у Толи есть короткое стихотворение:

Тревожно за русское Слово!

Но вспомнишь –

Светлеет вокруг:

Пока есть Распутин с Беловым –

Не надо тревожиться, друг!

Да, и прежде было тревожно, и сейчас тревожно особенно... Откуда же ждать света русскому человеку, когда Белова, Распутина, Евгения Носова, Астафьева, Лихоносова и многих других настоящих писателей уже нет с нами? И Гребнева тоже нет...

– Откуда? От Пушкина, от «Слова о полку Игореве», от Слова о законе и благодати, от народных песен, сказаний, от летописей, от Житийной литературы, от литературы дописьменного периода и от литературы письменного. Читать надо! Чтение – аккумулятор стойкости, уверенности в победе Руси-России над врагами внешними и внутренними. Нет современников – есть их книги. Разве мало? В каких ещё народах был Ломоносов?

Да мы самые богатые, самые сильные, самые непобедимые!

И нам унывать?

О Белове.

– Недавно вы вернулись из Вологды, участвовали в открытии памятника Василию Белову. Побывали и в его родной деревне Тимонихе, где писатель похоронен рядом с матерью. Как складывались ваши отношения с Василием Ивановичем?

– Как? Прекрасно! Я, конечно, вначале робел пред ним. Это же надо – «Привычное дело», «Вологодские бухтины», «Деревня Бердяйка», что говорить! Но он сам обратил на меня внимание. Прочёл в «Нашем современнике» «Варварины рассказы». И уже в начале 1971-го года, приехав в Вологду, я лично с ним познакомился. Почтение и робость пред его талантом продолжались, но закончились переходом в общении на «ты», моим приездом в Тимониху, совместными поездками за границу и дружбой до его преставления в жизнь вечную. И вот только что вернулся из поездки на его могилку, на открытие ему памятника в Вологде.

– О чем говорили, что вспоминали на митинге при открытии памятника?

– Конечно, о значении для России, для русской и мировой литературы этого, несомненно, великого прозаика. Для меня это ясно как день. Наугад возьмите его несколько страниц: природа, люди, времена года,

прошлое, настоящее – всё живое. Сила его прозы ещё и в том, что он, описывая нелёгкие времена России, заряжает радостью и силой, и желанием трудиться во славу нашей родины. Замечательна «Поднятая целина» Шолохова, а «Кануны» Белова? А «Год великого перелома»? А его книги для детей! У него каждая животинка запоминается. А почему? Он любит всё окружающее, жалеет каждую травинку. Сострадательное сердце его излучает заражающую нас любовь к родине... То есть говорили разное, но в главном все выступающие сходились: главное в творчестве Василия Белова – любовь.

– На памятнике начертаны такие слова:

«Дорогой Василий Иванович!

Как был ты всю жизнь поперед нас, мальцов, так и не уступишь дороги.

А нам за тобой хорошо было, когда книги писали, и сейчас хорошо по твоим пятам идти и не падать духом.

Валентин Распутин»

А вы что бы написали на памятнике?

– Да примерно то же бы самое. Старший брат. Мы перед ним благоговели, даже и тогда, когда он фактически заставил нас перейти с ним на «ты». Ещё и требовал, чтобы называли без отчества, просто Вася. Но тут мы упёрлись: «Василий Иванович, на «ты» мы перешли, но чтобы ещё и отчество отсечь, ну уж нет! Это как без отчества остаться». Засмеялся и смирился.

– А почему писатель завещал похоронить себя вдали от мира людей, в умирающей осиротевшей деревне? Прискорбно, но далеко не каждый почитатель таланта Василия Ивановича сможет добраться до Тимонихи, поклониться последнему пристанищу писателя, постоять в раздумье и молчании...

– Да, сейчас это проблема. И мы, конечно, надеялись, что его захоронение будет на территории Спасо-Прилуцкого монастыря, куда хотелось и прах Николая Рубцова перенести. Более того, вечером того же дня архимандрит Тихон (нынешний митрополит Псковский и Порховский) звонил Вологодскому архиерею и получил благословение на захоронение в монастыре. Говорили мы и с Ольгой Сергеевной, и она согласилась.

Но что делать: было его Завещание, и вологодские писатели упёрлись: «Мы возродим Тимониху, это будет наша Ясная поляна, Дом творчества». И где всё это? А надо было учесть, что писалось Завещание, когда и окрестные деревни, и сама Тимониха были заселены, а теперь? Пусто в округе, рушатся, стареют дома, добраться туда на грани невозможного.

А тогда, в день кончины, поздно ночью, в Сретенском монастыре была свершена первая поминальная лития о рабе Божием Василии. В присутствии Валентина Распутина, Анатолия Заболоцкого, Анатолия

Пантелеева, был и аз грешный. Слаженно пел хор, поднятые с постели семинаристы.

И вот – могилы матери и сына на почти заброшенном кладбище. И на это взирает возрождённый Василием Ивановичем храм. А ведь в Спасо-Прилуцком монастыре упокоился учитель Пушкина Константин Батюшков. Но что теперь! К могилке писателя не попадёшь, так его книги в руки возьми. И свечу о упокоении его души и о душе матери его Анфисы Ивановны зажги.

– Но надо ли особо винить вологодских писателей? Делают, надо полагать, что по силам. Знаменитому земляку поставлен памятник в областном центре, постоянно выходят сборники воспоминаний о Василии Ивановиче, не первый год Анатолий Ехалов организует массовые выезды в Тимонику на приборку родной деревни Белова...

– Да, так. Но Ехалов не может возить туда всех желающих...

Но что теперь, уж как есть. Хотя лично мне скорбно: бывал там при жизни и Анфисы Ивановны, и Василия Ивановича. Замузеенность. И в Вологде, в квартире, музей. Сидел на стуле, а уже на нём табличка «Не садиться». Хотя это, в общем-то, и правильно: надо хранить память о писателе и всё, что его окружало при жизни, для потомства. Но, повторяю, лучшее поклонение писателю за талант от Бога – это чтение его книг.

– Писатель Виктор Лихонос, который любил творчество Белова, однажды написал, что Василий Иванович на всю жизнь остался «деревенским». Согласны с таким утверждением?

– Конечно, нет. А «Воспитание по доктору Споку», а «Чок-получок» и, наконец, «Всё впереди»? Тут деревня и не ночевала. В общем-то это и неважно, это фон, главное – драма отношений.

– Работа в районной газете «Коммунар»... Потом райком комсомола, должность первого секретаря... Вспоминал ли Белов свою комсомольскую юность?

– Ну, а как иначе? Не комсомольскую юность, а опыты жизни, встречи, проблемы. Всё это, уверен, помогало ему и в писательстве.

– Говорят, Белову пришлось выбирать: или Высшая партийная школа, или Литературный институт? Причем выбрать Литинститут настояла его жена Ольга Сергеевна. И благословила к тому же учиться очно!.. Это действительно так и было?

– Конечно, как же он мог без согласия жены пойти на очное. Она же видела его тягу к литературе, а не к партийной карьере.

Думаю, легко найти интервью с ней в интернете, где она рассказывает о годах совместной жизни с Василием Ивановичем. Мы были дружны семьями, и вообще, жена созидает мужа. А самое трудное – быть писательской женой.

– Но поступал он в вуз как поэт. Почему? Ведь у него уже была повесть о комсомоле, очерки, фельетоны... Да и в Союз писателей Белова принимали после публикации повести «Деревня Бердяйка»...

– Да, как поэт поступал. В семинар Ошанина. Но что-то не сложилось в их отношениях. Что, не знаю. Якобы Лев Иванович усмотрел у Белова «кулацкие мотивы». Хотя стихи сопровождали Белова всю жизнь. Очень яркие и гневные стихи он писал в начале и середине 90-х, в годы ельцинской оккупации России. А «Деревня Бердяйка» – разве это проза начинающего литератора? Это совершенно замечательная повесть из народной жизни. Подчеркну, современной жизни.

– Однако в собрания сочинений он эту повесть не включал. Видимо, не считал своей удачей? Вообще, кто формирует содержание собрания сочинений: издательство или сам писатель?

– Да по-всякому. И так, и так. При жизни, конечно, автор. Почему не включил, не знаю. Может, от того, что считал её слабой. Но перечитайте её – это же изумительная повесть о жизни, о любви, о страданиях и радостях.

– А какую роль в становлении Белова как литератора сыграл Александр Яшин, писатель, которого сейчас мало кто помнит?

– Очень большую. Именно Александр Яшин настроил Василия Ивановича на прозу.

– Вологодская писательская организация, членом которой был и Белов, была и остается одной из самых сильных в России. А может быть, и самой сильной. Почему так?

– Так, а имена-то какие: Батюшков, Рубцов, Яшин, Белов, Фокина, Коротаев, Астафьев жил, много и вслед идущих: Шириков, Багров, Цыганов, Балакшин... Именами создаётся авторитет организации... Да не горюйте, мы, вятские, не слабее. Ну-ка вспомним: Ермил Костров, Заболоцкий, Любовиков, Чебышева, Субботин, Тендряков, Филёв, Маракулин, Сырнева, Фокин, Пересторонин, Наумова... Мы, грешные, с Гребневым ведь тоже вятские... Много нас. Ещё есть сильные организации: Иркутская, Воронежская, Питерская, Самарская, Екатеринбургская... есть порох в пороховницах.

– При этом Владимир Тендряков, который однажды увез Белова с писательского съезда к себе на дачу, называл всех писателей-вологжан людьми «с душком», с антисемитским душком, разумеется...

– Бог ему судья, Белов антисемитом и близко не был. Семиты – это арабы Ближнего востока. Что ж мы, будем против сирийцев, эфиопов, иорданцев?

Эти слухи идут от нелюбви к Белову – писателю. Может быть, пошли после романа «Всё впереди», там один из героев еврей. Ну и что? Что ж, еврей не может быть героем романа русского писателя?

– Белов вспоминал, что, входя в литературу, изведал снобистское презрение городской, главным образом пижонской стихии, чувствовал порой презрительную снисходительность к себе. Невидимая «табель о рангах» безотказно действовала в столицах... Вы тоже из провинции, Владимир Николаевич. Чувствовали в начале своего становления этот столичный снобизм литературной среды?

– Нет, ничего такого. Видите, я же в Москву вначале въехал как призванный к служению солдат. Любил её, бывал и в театрах, и в музеях (нас возили), то есть как-то за три года обтёрся. И в родной Мосоblindединститут поступил вместе с парнями, тоже пришедшими из армии. Были у нас и москвичи, но они сидели тихо, что с них взять – салаги. А когда пошла после вуза работа: телевидение, издательства, хождение по редакциям, какой тут снобизм, тут продукция нужна... В обыденности, да, чувствовал. Шипение московских бабок, например, в трамвае на бабок из провинции: «У-у, деревня!» Тут я всегда был на стороне «деревни». И москвичом никогда себя не ощущал. Ни тогда, ни доселе, прожив в Москве 63 года. Остался вятским.

– «Профессиональный писатель обязан уметь работать в любом жанре – от романа и поэмы до обычного очерка. Хотя бы для того, чтобы кормиться, жить за свой счет, при этом, в меру своих возможностей, не халтурить...» Согласны с таким утверждением Василия Ивановича?

– Вполне. Хотя я всегда не очень чтил «многостаночников».

– «Какая девушка для вас самая красивая?» – спросили однажды Белова.

– Самая красивая – это та, которая не знает, что она красива. Как только она узнает, что она красавица, так от нее и улетает вся красота. Тогда у красавицы остается лишь внешняя красота, грубо говоря, смазливость. Такая красота похожа на рекламу. А реклама всегда связана с торговлей... – ответил писатель.

А для вас какая девушка самая красивая, Владимир Николаевич?

– С косой, темно-русая, любящая детей, весёлая, преданная Богу и России.

– А как происходило воцерковление самого Василия Ивановича, бывшего комсомольского функционера, члена партии?

– Виктор Семёнович, идеология не проникает в душу и мгновенно отряхивается, когда душу занимает вера. Православные родители, литература, рассказы старших, их печаль, что церковь закрыта. Мама,

Анфиса Ивановна, у Василия Ивановича была несомненно верующей. Это главное. Потом его пылкость к истории, к знанию судеб жителей Тимонихи. Во многом перестрадавших от гонений на веру православную. Опустошённая церковь, стоящая недалеко от дома. Его интерес к русской философии, его работы, которые требовали знания подробностей быта прошлого. А оно православно.

Даты его воцерковления назвать не могу. Это вторая половина 70-х и далее. А в 90-х он в одиночку возрождает церковь в Тимонихе, недалеко от которой теперь их могила, его и его матери.

– Были в этой церкви в Тимонихе? В каком она сейчас состоянии?

– Да, конечно. И совсем недавно, когда устанавливали памятник Василию Ивановичу в Вологде... Церковь в прекрасном состоянии, она небольшая, нет росписей, мало икон, но благолепие чувствуется. И акустика! Приезжал архиерейский хор, регент изумлялся звучанию хора. «Будто хор обновился».

Да, вот бы наши писатели оставляли после себя такую или подобную память о себе.

– Перечитал на днях рассказ Белова «Ершов – гармонный мастер». Как безногий инвалид войны приезжает в родную деревню, приходит на кладбище, на котором недавно похоронен его брат, берёт в руки гармошку, садится, прислонясь к могильному кресту, и начинает играть... Василий Иванович и сам был знатным гармонистом. Слышали, как он играет?

– Много раз. Играет хорошо, знает наигрыши, и плясовые, и частушечные. Может подыграть начатой песне. Рассказ о гармонном мастере я, конечно, читал, но не знаю, не спрашивал, насколько он жизненно подобен. Но так написано, что мы и не сомневаемся, что такой Ершов был.

– Но Белов придерживался мнения, что рассказ есть рассказ, художественный жанр, что никакого документального рассказа быть не может. Документальным может быть и даже обязан быть только очерк. Что сюжет всегда является организующим началом рассказа, что без сюжета рассказ рассыпается, что стиль, язык, настроение в прозе отнюдь сюжету не противоречат. Сюжетов в нашей жизни хоть отбавляй, но их нельзя делать достоянием всех. Пусть это делают газетчики...

Что скажете?

– Да тут мне и сказать нечего. Тогда получается, что у меня и рассказов художественных никаких нет. У меня нет ни одного рассказа без жизненной основы. А почему нельзя сюжеты делать достоянием всех? Кого всех? Читателей? Тут Василий Иванович явно перемудрил.

– «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», «Лад»... Пожалуй, Белова больше знают именно по этим произведениям. И как-то

в стороне внимания остается трилогия о гибели северной деревни «Кануны»», «Год великого перелома», «Час шестой». А ведь это, несомненно, главное его произведение... Почему так?

– Не знаю. Может быть, отнести это на то, что тогда много печаталось облегчённой, развлекательной (детективной) литературы, и читателей приучили к приятному чтению, а трилогия требует внимания, раздумий, сопереживания. Притом и человеку не очень приятно вспоминать негативные стороны и из своего прошлого, и из прошлого своей страны. Да и вроде насытились энкавэдэшной (кагэбэшной) тематикой. Тем более коллективизация. Многие в ней отметились, вроде хватило бы. А тут новый, не всех устраивающий взгляд. Но правда за Беловым: он выстрадал право написать так, он всё это пережил.

– Белов недолюбливал кинематограф. Считал кино синтетикой в искусстве. Даже право экранизации «Привычного дела» отдал «Ленфильму» очень дешево, за что получил большой «нагоняй» от своего друга Василия Шукшина. А как складывались ваши отношения с кинематографом, Владимир Николаевич? Довольны ли экранизацией «Живой воды»?

– Могли бы и получше поставить. Но всё-таки и не испохабили. Снимались Ульянов, Гармаш, ещё Евгений Лебедев, они на обложке книги «Живая вода», и издатель уверен, что она быстро разошлась благодаря этой обложке: знаменитости, чать... И «Беларусь-фильм» снимал (кино «Подкова»), и «Ленфильм». Кино ведь – это деньги. Мне ахнули от «Ленфильма» деньги, на которую я купил полдомика в Подмосковье, ещё за что-то дали – купил машину. На этом мои гонорары кончились...

– Мне памятен снимок двух улыбающихся Василиев – Шукшина и Белова – на фоне поленицы. И оба в черных кожаных пиджаках... А у вас есть общие снимки с Беловым? Памятны какие-то встречи?

– Конечно, есть. И много. Встречи как не памятные. И в Вологде, и в Тимонихе, и в поездках по стране и за границу.

– Может, какой случай помнится особо?

– Помнится его бесстрашие. 80-летие его отмечалось в Зале церковных соборов. Он уже с трудом ходил, но пожатие руки было очень сильным. Я стоял около него, подошёл Сергей Миронов, глава «Справедливой России». Василий Иванович совершенно чётко и громко стал ему выговаривать, спрашивать, почему Крым до сих пор не в России. А было это ещё до майданного 2014-го года, тема была для обсуждения закрыта.

– «Писательство для Василия Белова – это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Все, что написано Василием Ивановичем – от «Привычного дела» до «Канунов» и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, – всё в воспитание, остережение и защиту своего народа...» Так написал однажды Валентин Распутин.

Что-то можно добавить к этим словам?

– Это был русский писатель в высшем понимании этого слова. Такие правдивейшие картины русской жизни написал он таким чистейшим русским языком, показал всей своей жизнью такое беззаветное служение России, что и нам, и идущим за нами всегда есть на кого равняться, есть кому подражать, работать во славу Божию и всегда радоваться, что такой писатель был подарен нам Господом. Без личности Василия Белова не представима русская литература на стыке тысячелетий.

О Шукшине.

– Белов был очень дружен с Шукшиным, посвятил ему свои воспоминания «Тяжесть креста». Знаю, что и вы пересекались с Василием Макаровичем. Расскажите об этом.

– Нет, тут мне и сказать почти нечего. Не считать же встречу на бегу в редакции «Нашего современника». И присутствие на премьере фильма «Целуются зори», куда меня позвал оператор фильмов Шукшина Анатолий Заболоцкий, сказав, что и Шукшин там будет. «Целуются зори» – комедия по одноименной повести Василия Белова. Комедия замечательная и несправедливо оболганная. Премьера была в Доме кино. Публика была русская. Шквал оваций в конце. Но не будешь же пробиваться из последних рядов в партер.

Но что вскоре было в том же Доме кино – это прощание с Василием Шукшиным. Очередь вытянулась от Белорусского вокзала. У многих в руках были букеты и венки из калины красной. Это не забыть.

Да, Белов очень жалел, что Василия Макаровича не увезли на его родину, на любимый Алтай.

– И все же, что за встреча случилась в «Нашем современнике»?

– Они, Василий Макарович и Леонид Фролов, ответственный секретарь «Нашего современника» (он потом был директором изд-ва «Современник»), стояли в коридоре. Я внезапно заскочил, чтобы получить свежий номер, (10-й или 11-й? где напечатали мои «Зёрна» Это 1972-й год). «Вася, – воскликнул Фролов, – вот познакомься, этот парень тоже в этом номере» – «А, – шутливо сказал Шукшин, – вот из-за кого у меня рассказ сняли». – «Да у меня, – обиженно отбился я, – у меня их десять сняли». Мои «Зёрна» были маленькими. Шукшин засмеялся: «Пойдём с Нагибиным выяснять отношения, у него ничего не снимают». Нагибин был третьим по отделу прозы в том номере. Вот и всё.

И ещё раз, тоже на бегу, у кассы «Литературной России» на пятом этаже «Литературной газеты». Он куда-то спешил, но узнал, тормознул. Оказывается, прочитал из моего. «А что ж вы торопитесь так быстро заканчивать?» Тут я мог бы защититься теорией «малого раздражителя» (по Достоевскому), то есть лучше не договорить, чем переговорить. Я был юноша начитанный. Но он торопился, и я успел сказать: «Так для умных же пишем, догадаются...» – «Так умные-то и скажут, что писатель чего-то побаивается».

Больше похвалиться нечем.

Но его фильмы, проза сделали его личность для меня, да и для всех современников, настолько родной, да ещё и я был окружен его ближайшими сподвижниками, что всегда казалось, что знаю его всегда.

– Впервые я увидел Шукшина в фильме «Два Федора». Потрясающий фильм, потрясающая работа Василия Макаровича. Невозможно смотреть без слез... А вы когда впервые услышали, узнали о Шукшине?

– Конечно, ошеломили и «Печки-лавочки», и «Калина красная». Потом уже и «Два Фёдора», и «Они сражались за родину» впечатляли менее. Уже всю проза его для меня превысила его кино. Он и сам собирался оставить кино, чтобы засесть за прозу. Собирался свершить свою задумку после постановки фильма о Степане Разине «Я пришёл дать вам волю». А тогдашний влиятельный Сергей Бондарчук обещал ему содействие только после того, как Шукшин снимется у него.

Вообще, я рад, что фильм о Разине не был снят. Это же сотрясение престола, кровь, расшатывание России.

– Для Белова личность Разина тоже не была однозначной. В «Тяжести креста» он вспоминал: «Макарыч не оставлял мечту поставить “Разина”, рассчитывал на административную поддержку Бондарчука. Поэтому и согласился играть в фильме по роману Шолохова. Как актеру, ему вовсе не хотелось работать... Прочитав сценарий “Степана Разина”, я сунулся с подсказками, мое понимание Разина отличалось от шукшинского. Разин для меня был не только вождем крестьянского восстания, но еще и разбойником, разрушителем государства. Разин с Пугачевым и сегодня олицетворяют для меня центробежные силы, враждебные для русского государства... Макарыч был иногда близок к моему пониманию исторических событий. Но он самозабвенно любил образ Степана Разина и не мог ему изменить. В этом обстоятельстве тоже ощущалось нечто трагическое...»

– Так и есть. «Я пришел дать вам волю», сценарий, был напечатан в «Нашем современнике» как роман. Но киношное зрение проглядывает. Когда разинцы казнят астраханских воевод, втыкают в них копья, сбрасывают в Волгу, то «копья погружались», то есть убитые тонули. И на это смотреть?

Мы же часто обсуждали между собою работы братьев. Большинство сожалело, что «Разин» не состоялся. Распутин отмалчивался, я же стоял на своём. Он старовер, Разин. Ходил на Соловки. Был ли набожным? В православном смысле – нет...

Конечно, в школьные годы Шукшина и вообще в те годы было прославление тех, кто восставал против царя. Дивное дело: Разина и Пугачёва разделяет двести лет ровно, и они из одной станицы. Разина легко романтизировать. А песни какие! «Мощным взмахом поднимает он красавицу княжну и за борт её бросает в набежавшую волну». Каково? Есть что снимать. Герой! Тут и Пушкин о Разине как о народном герое. «Есть на Волге утёс, диким мохом порос...» Это же о том, что утёс

услышал «все заветные думы Степана». Песня мощная, пели на сходках, на маёвках, а то, что с архиерея кожу содрали, то это ничего, это же за счастье народное борьба.

И Шукшин так сросся с образом народного заступника, так вымечтал будущую картину, что уже и не мог отступить.

С Анатолием Заболоцким объехали все места будущих съёмок, сидели в архивах, делали даже раскадровку, подбирали актёров. Кто будет Разиным, вопрос не стоял. Конечно, Шукшин. И обликом, и характером.

Может быть, думаю, замысел воплотить не дали силы Небесные. Всё в руках Господа.

– А почему, по вашему мнению, зацепил зрителя герой «Калины красной»? Ведь это махровый вор-рецидивист, пусть и со справкой об освобождении, только-только нащупывающий тропинку в нормальную жизнь. Еще, как говорят на Вятке, «бабушка надвое сказала», сладится ли это возвращение... Или уж таково наше русское сердце: жалеть и опекать оступившихся и убогих?

– Таков талант Шукшина, что он заставил нас даже не только сочувствовать Егору, но и полюбить его. Его страдание («Это мать моя, Люба, мать!») и падение на землю на фоне разрушенного храма разве не впечатляют? Вообще было много множество возражений от бывших (и настоящих) рецидивистов, что Шукшин, оказывается, не прав в трактовке финала киноповести: воры, завязывающие с прошлым, гонениям «от своих» не подвергаются: «малина» уважает решение порвать с прошлым.

– Выходит, Шукшин сознательно пошел против правды, сделав такой финал?

– Финал... Тут, брат, законы драмы, тут катарсис работает. Надо по нервам ударить, вот и весь секрет. Тут художник властен, а не мнение экзков. У Толстого в «Войне и мире» в описании Бородинской битвы тогдашние ветераны, ещё жившие, насчитали несколько сотен ошибок. Но что до того творцу? – «Я так вижу». И изучают Бородино не по историкам, а по Толстому. Верят ему. По двум причинам: описал интересно и, главное, уловил нерв эпохи. Это и есть назначение художника.

– А какой фильм Василия Макаровича вам больше по душе? Или какая актерская работа? Мне, признаюсь, ближе и понятнее его герои у Марлена Хуциева и Сергея Бондарчука...

– Много знаю об издевательствах над фильмами Шукшина со стороны чиновников и «Мосфильма», и Госкино, поэтому сошлюсь на мнение того же Заболоцкого: фильмы на выходе калечили. Когда сознательно, когда из зависти. Но все равно и «Калина красная», и «Живёт такой парень», и «Печки-лавочки» – это картины русской жизни начала второй половины XX века. То есть срабатывает моё ощущение вписанности в эту эпоху. Они мне нравятся.

– Похоже, Шукшин неплохо знал наши народные выражения. Его герой в фильме «Калина красная», когда бежит из «малины», говорит: «Так, щас я... Наугад по-вятски...» То есть невпопад, нестати, не то, что нужно...

Еще одна условная ниточка, невольно связывающая его с вятским краем – исполнение роли Конева в киноэпопее «Освобождение». Маршал же вятский по рождению. Может, еще что заметили?

– Это вы называете явные приметы вятского. Но Шукшин настолько народен, что все края и веси Отечества считали его своим. А уж вятским, при обилии сооружений пенициктарной системы Северо-востока, считать его родным было всех сподручней.

– **Вы вспомнили об Анатолии Заболоцком, операторе-постановщике фильмов Шукшина «Печки-лавочки» и «Калина красная», единомышленнике и большом друге Василия Макаровича. Расскажите о знакомстве с ним.**

– Это было в Сростках на Алтае, на родине Василия Шукшина (1979 г). Тогда я и вошёл в круг шукшинских соратников. Хотя его самого уже не было. Но он был в центре всех разговоров. Ещё впереди были многотысячные собрания людей в июльские дни памяти его. Заболоцкий больше слушал, молчал, но мгновенно взрывался, если в чём-то был не согласен с услышанным. Авторитет его высказываний был непрекаем. Ренита Григорьева, Леонид Куравлёв, Алексей Ванин, Георгий Бурков, другие соратники Василия Макаровича, включая его сестру Наталью, смолкали, когда в разговор вступал Анатолий Дмитриевич. Как получилось, что мы сдружились, не знаю. Но все последующие годы были близки. Много было совместных поездок, совместных изданий. Например, о святой горе Афон, о Святой земле. То есть это и Греция, и Палестина, Израиль, Иордания... Ему много было предложений от знаменитых режиссёров стать оператором их фильмов. Но после Шукшина Анатолий ни с кем не хотел работать. И стал потрясающим по силе выражения фотохудожником. И оформителем книг. Знаменита его совместная с Василием Беловым работа над книгой «Лад», выдержавшей уже много изданий, оформление книг Астафьева, Солоухина. У него были выставки его фоторабот по всей стране (Минск, Пермь, Вологда, Красноярск, Иркутск, Барнаул...) Обычно он называл их «Жизнь подарила увидеть». Вдобавок к своим талантам он ещё и незаурядный писатель. Замечательна книга его «Шукшин в кадре и за кадром». Да, многие книги издательства «Роман-газета» оформлены именно Заболоцким. Совместная наша книга «Афон. Стояние в молитве» отмечена афонскими монахами.

– **А почему Заболоцкий отказывался работать с другими режиссерами после Шукшина? Он как-то объяснял это свое решение?**

– Конечно. До Шукшина у него были и другие, он же оператор фильмов «Альпийская баллада», «Через кладбище». Именно увидев их, Шукшин его и пригласил. Вначале на «Печки-лавочки», затем на «Калину красную». А уже и начинал работу над фильмом о Степане Разине

(«Я пришел дать вам волю»). Но трагическая кончина осенью 74-го порушила планы. И Заболоцкий твёрдо решил: другого такого режиссёра нет, значит, и работать мне не с кем. Очень он противился искусственному сопоставлению Шукшина и Тарковского. В ком больше правды? Тут нет вопроса.

Отказался от всех предложений.

– Чем же его так привлек и «связал» Шукшин? Что у них было общего? Анатолий Дмитриевич в минуты откровения говорил об этом?

– Это касалось и таланта Шукшина как режиссёра, и, конечно, единства взглядов и на современную Россию, и на её прошлое. А Шукшин ценил Заболоцкого как исключительного оператора. Стоит только посмотреть любую их совместную работу. Это же не кино, это самая настоящая жизнь – высшее мастерство.

– Знаю, что Заболоцкий гостил у вас на родине – в Кильмези, бывал в Троицком. Как ему показалась Вятка?

– Ему я всегда говорил о Великорецком Крестном ходе, так как был уверен, что лучше его никто не снимет. И всё не получалось. Только однажды летом проехали на машине из Москвы с врачом Анатолием Вершининым, уроженцем Уржума, через Уржум, Кырчаны, Нему в Кильмезь. Там были у меня три дня, ездили в Троицкое, на два кладбища моих дедушек и бабушек по отцу и по маме.

Он не снимал, что-то щёлкал, но живо ли это? Спросить неловко, он плоховато себя чувствует. Но то, что ему нравилась природа (особенно Троицкое, сосновые боры, Великий Сибирский тракт) – это несомненно.

Но с Великорецким Крестным ходом не получилось.

– Вы вспомнили о книге Заболоцкого «Шукшин в кадре и за кадром», где автор очень откровенно рассказывает о своей работе с режиссером, порой неллицеприятно отзываясь об окружении Шукшина. Что его подвигло на столь неожиданный шаг?

– Заболоцкий всегда резал правду-матку, невзирая на авторитеты. А уж если дело касалось чести его мастера Василия Макаровича или его любимого писателя Василия Ивановича Белова, тут он мог пойти на любые обострения.

– Ему очень не понравился памятник у ВГИКА трем ушедшим из жизни кинематографистам: Шпаликову, Тарковскому и Шукшину, где Василий Макарович сидит у ног автора «Сталкера», по выражению Заболоцкого, в образе бомжа с «бычком» в одной руке и пустой пачкой «Беломора» в другой... Видели этот памятник?

– Только на фотографии. Впечатление в самом деле не в пользу русской культуры. У нас прочно путают актёра как человека, как личность и образы, которые он создавал. Да, играл Шукшин людей в телогрейках,

людей с нелёгкой судьбой, но памятник-то не его героям, а ему, как знаменитому выпускнику ВГИКа. Так что памятник искажает правду жизни. Тут Заболоцкий прав.

– А насколько вам близок памятник Шукшину скульптора Вячеслава Клыкова, установленный на Алтае, на горе Пикет?

– О, это была целая эпопея. Ведь фактически автор памятника Шукшину сам Шукшин. Именно так сел он, снимая последние кадры своего фильма. Сел на родную землю горы Пикет, гору детства и юности, откуда открывался дивный вид на пространство вокруг. Поставил босые ноги на траву, скрестил руки. Сын родной земли, ставший её хозяином. А уж сколько было сопротивления установке памятника и со стороны властей, и со стороны либералов. Но нашлись и благодетели, нашёлся и губернатор края Михаил Евдокимов. Благодаря им и свершилось великое дело прославления алтайского уроженца, актёра и режиссёра, без которого невозможно представить искусство кино России и мира.

– Вы были знакомы со скульптором Клыковым?

– А как бы иначе он сделал мой портрет?

– Что за портрет?

– Скульптурный. Поясной. Высеченный из дерева. Он у меня в Кильмези, в Доме-музее Православной культуры. Вы его, верно, не заметили, так как я его за занавеской спрятал. Вообще, он очень приличный, вошёл и в справочники о работах Вячеслава Клыкова. Но легко ли смотреть на свою голову, лишённую мыслительных способностей? То же и с другими скульптурами, из последних – портрет мой, бронза, Елены Безбородовой.

– Расскажите о ваших встречах с Вячеславом Михайловичем. Вспоминал ли он свою работу в Сростках?

– Как рассказать о десятках встреч в его мастерской? Там же я не только позировал, там было множество встреч единомышленников Русского движения. Фонд Славянской письменности и культуры – прямое создание Вячеслава Клыкова. Нас развело разное мнение об установке памятника маршалу Жукову. Клыков хотел установить его у Спасских ворот Кремля. Именно из них выехал на коне маршал Жуков принимать парад Победы. И было составлено письмо в Правительство. А мы с Распутиным отказались письмо подписывать. Возражали. Говорили: «Надо вернуть в центр площади памятник Минину и Пожарскому, а за ними воздвигнуть памятник патриарху Ермогену, вдохновителю противостояния полякам». Но ни его планы, ни наши не сбылись. Памятник Патриарху есть и памятник маршалу тоже есть. Но всё-таки у Кремлёвских стен.

Работа в Сростках – это же два-три года. Он ею жил, как же не вспоминал.

– А что было в планах у Клыкова? Что он не успел сделать? И что считал самой удачной своей работой?

– Этого я не знаю. Знаю только, что он был завален заказами. Некоторые приходилось делать ради заработка. Расходы у него были очень большие.

Что считал лучшей работой? Тоже не знаю. По количеству времени и нервов это, конечно, памятник Шукшину. Или Родина-мать (установлена на его родине). Или памятник Свиридову? Не знаю. Очень сильный памятник на Белгородчине великому князю Святославу.

– Выступая на Шукшинских чтениях на горе Пикет летом 2004 года, Валентин Распутин сказал: «Василий Макарович весь плоть от плоти Сросток и русской деревни, потому и не приходилось ему выдумывать ни язык, ни мудрость, ни характеры, которых у Шукшина много, – они не выдуманы, как и действие, которое есть в рассказах. Макарыч находил сохраненное в деревне, не напрасно он говорил: «Нравственность есть правда». Не просто правда, а Правда с большой буквы. Большое мужество и честность – жить народной радостью и болью. Чувствовать, как чувствует народ. Народ всегда знает правду – великая истина...»

Знаю, что вы тоже бывали в Сростках, выступали на горе Пикет. Что говорили?

– Да примерно то же самое. Есть государство, есть Родина. Есть система, есть Отечество. Когда они соединены – благо для народа, разъединены – несчастье. Шукшин всегда был с Родиной.

– Во время съемок фильма «Они сражались за Родину» Шукшин сочинил сказку «Ванька, смотри!» (позже опубликованную в журнале «Наш современник» под названием «До третьих петухов»). Эта последняя вещь стала практически завещанием Василия Макаровича?

– Сказочка-то хороша: замена икон по наущению бесов на их портреты. Разве не так было?

Как прозаик, Василий Макарович очень силён: лаконичен, не прячется за недоговорённости. Вообще, заражённый киноискусством, он и в прозе как бы сценарист будущих съёмов. Любой рассказ у него кинематографичен, он видится. Выдуманное (надуманное, конечно, специально) название его героев чудиками портит восприятие от прочитанного. Какие они чудики, нормальные люди. А то, что они не загнаны в рамки испытанных характеров, – это заслуга автора. И разрушающий церковь «крепкий мужик», и человек, восхищённый умением предков строить храмы, – это люди нашего времени, одной эпохи. Почему они разные?

– При жизни у Шукшина, если не ошибаюсь, вышло всего четыре небольшие книжки. И его тут же записали в «деревенщики», на что Василий Макарович очень обижался.

Вас тоже относят к представителям «деревенской прозы». Обидно это, Владимир Николаевич?

– Да я этим горжусь. Возьмите две горсти семян цветов, трав, кустарников. Одну горсть бросьте на асфальт, другую на землю. И что? Что-нибудь растёт на асфальте? Я счастлив, что в моей жизни была работа на земле, в лесу, на лугах, в поле-огороде, это же счастье великое.

Я ведь знаю, что те, кто нас называет «деревенщиками», нас просто не читают. Да мне и не надо.

А я их называю «асфальтниками». Это моя им награда за причисление меня к «деревенщикам». Это же присоединение к величайшей русской литературе. «История села Горюхина», «Барышня-крестьянка», что это? Это деревенская проза. А кто написал? Пушкин, родимые, Пушкин...

*Интервью подготовил писатель Виктор Семёнович БАКИН,
г. Киров*

